

**В ПОИСКАХ ПЕРСПЕКТИВНОЙ СТРАТЕГИИ
РАЗВИТИЯ ЦИВИЛИЗАЦИИ
К 50-ЛЕТИЮ ВЫХОДА В СВЕТ ДОКЛАДА РИМСКОМУ КЛУБУ
“ПРЕДЕЛЫ РОСТА”**

© 2022 г. В. А. Лось

Российская экологическая академия, Москва, Россия

E-mail: viktor_943@icloud.com

Поступила в редакцию 13.09.2021 г.

После доработки 26.11.2021 г.

Принята к публикации 09.12.2021 г.

В статье анализируются последствия публикации первого доклада Римскому клубу “Пределы роста” (1972), в котором на основе моделирования показана реальность коллапса как результат несоответствия между ростом мирового населения и возможностями удовлетворения его потребностей в процессе деградации и истощения природных ресурсов; намечена стратегия его преодоления — концепция органического роста. Автор приходит к выводу, что прошедшие десятилетия не уменьшили концептуального и прогностического значения этой работы. Более того, острота глобальных проблем, связанных с демографическим ростом и деградацией мировых экосистем, отнюдь не преодолена, а напротив — усиливается. Принятая мировая стратегия устойчивого развития, ориентированная до 30-х годов XXI в., показывает, что человечество серьёзно отнеслось к предостережениям Римского клуба. И в этом — один из важнейших итогов этой уже давней, но весьма значимой публикации.

Ключевые слова: моделирование, органический рост, устойчивое развитие, демография, Римский клуб, цивилизация, будущее человечества.

DOI: 10.31857/S0869587322040041

В начале 70-х годов XX в. под эгидой мало кому известной тогда международной общественной организации “Римский клуб” мировому научно- и политическому истеблишменту был представлен доклад “Пределы роста” [1], реализуемый по проекту клуба “Проблемы человечества”. Его выводы и поднятые проблемы привлекли всеобщее внимание, а их обсуждение с не мень-

шей горячностью, чем прежде, ведётся и в XXI в. В чём тайна этого успеха?

Во-первых, предельно алармистский итоговый вывод доклада о реальных “затруднениях человечества”: при сравнительно ограниченных ресурсах биосферы и сохраняющихся темпах демографического роста в соответствии с базовым сценарием предполагались бесконтрольное сокращение населения и резкий спад уровня жизни. Экологическое выживание человечества, как следовало из доклада, оказывается под реальной временной угрозой. Конечно, и прежде было немало тревожных теоретических построений в демографическом контексте (например, неомальтузианство), носивших, однако, преимущественно спекулятивный характер. В докладе же был применён нетрадиционный метод анализа явлений глобального масштаба.

Во-вторых, авторы доклада использовали компьютерную модель, исходившую из идей предшественников, в частности, Дж. Форрестера [2], за-

ЛОСЬ Виктор Александрович — доктор философских наук, профессор, действительный член Российской экологической академии.

ложившую основы моделирования глобальных процессов. Сформулированные на её основе выводы представлялись общественному мнению в качестве безусловных, в то время как сами авторы подчёркивали вариативный (сценарный) характер своих построений. Тем не менее построенные графики казались большинству непосвящённых реалистичными предсказаниями наследников древнеримских весталок-жриц.

В-третьих, выводы доклада носили не только алармистский характер, но и оставляли надежду: если человечество сумеет контролировать демографический рост и экспоненциальное потребление природных ресурсов, то возможно сохранение равновесия биосферы (и значит, выживание глобального социума) при удовлетворении рациональных потребностей человека и его всестороннего духовного развития.

Наконец, в-четвёртых, социальный посыл доклада совпал с критическими настроениями по отношению к обществу потребления, доминировавшими в либеральных кругах западноевропейского социума. Экстраполяция потребительского тренда носила явно негативную прогностическую коннотацию. И выводы доклада это конструктивно подтверждали.

Сложившаяся ориентация мирового развития нуждалась в радикальной трансформации, чтобы обеспечить историческое выживание человечества. И общее направление к этому было обозначено: снижение демографического роста, модернизация технологического развития, рационализация потребительских ориентиров.

Впрочем, научное и общественное мнение радикально разделилось. Одни специалисты (назовём их условно “позитивистами”) в целом положительно восприняли полученные результаты компьютерного моделирования, вместе с тем оценивая вероятностную степень их приближения к реальности. Другие (назовём их “негативистами”) были настроены достаточно критически: отвергали методологические возможности адекватного моделирования глобальных процессов; доказывали, что технологическая модернизация способна нивелировать деградиционные тренды развития; утверждали, что рыночная экономическая модель сможет регулировать экономические, экологические и демографические процессы.

Авторы доклада конструктивно восприняли критику в свой адрес: на протяжении трёх десятилетий, с начала 1990-х годов и до начала XXI в., несколько раз (через 20 [3] и 30 лет [4] после выхода книги в свет) корректировали, исходя из современных статистических данных, первоначальные модельные построения, учитывая, например, увеличение годового потребления человечеством природных ресурсов, продолжающийся демографический рост мирового населения, экологиче-

скую нагрузку на биосферу, модернизацию технологий. Их вывод оставался прежним: социально-экологический конфликт неизбежен, если человечество не проведёт радикальную трансформацию своей деятельности, не сократит демографический рост и не уменьшит давление на естественную среду своего обитания.

Последняя версия доклада (а что это действительно окончательный вариант подтвердил Денниз Медоуз, один из лидеров проекта, в интервью журналу “Эксперт” в апреле 2012 г.). Человечество уже приблизилось, по его мнению, к предельно опасному состоянию, и нужно вернуться в “пределы устойчивости”.

Его сценарий исходит из традиционного алармистского вывода, тем не менее получающего отчётливый прогностический тренд. Однако и через четыре десятилетия, в 2052 г., если следовать стратегическому сценарию [5], с одной стороны, ещё не реализуется негативный вариант социального и экологического коллапса, а с другой — человечество будет по-прежнему опасно балансировать на грани между последствиями продолжающегося экспоненциального роста и стремлением выжить в условиях нарастающих потрясений.

На протяжении этих десятилетий версии “Пределов роста” выходили многомиллионными тиражами во многих странах мира (в нашей стране книга была издана лишь 20 лет спустя после её первого выпуска [6]); переведены на практически все мировые языки; вряд ли в мире можно найти средства массовой информации, не обсуждавшие в той или иной степени реальность или утопичность негативных сценариев развития цивилизации. Патронируя этот проект, участвуя и зачастую иницилируя соответствующие дискуссии и обсуждения, Римский клуб в те годы превратился в одну из самых престижных международных общественных организаций, ко мнению которой прислушивались учёные, государственные и политические деятели, широкие круги общественности.

Под эгидой Римского клуба за пять десятилетий было выпущено в свет более четырёх десятков докладов — фундаментальных исследований, подготовленных отдельными специалистами или их коллективами, в рамках которых рассматривалась глобальная проблематика, связанная с преодолением “трудностей человечества”. В сущности, эти исследования в явной или неявной форме продолжали отвечать на вопросы, поднятые в процессе обсуждения “Пределов роста”. Базовых из них, по крайней мере, два: первый — реален ли мировой коллапс в процессе дисбаланса демографического роста на планете и природно-ресурсного потенциала, а если да, то второй — возможно

ли его избежать и каковы пути стратегии конструктивного выживания человечества?

Логика развития современной цивилизации, представленная в “Пределах роста” и подтверждённая в рамках системной динамики, подводит к реальности остроты стратегических противоречий в планетарной системе человек–социум–биосфера. Абсолютный ростовой тренд мирового народонаселения и относительная ограниченность естественного природного потенциала обуславливают историческую фатальность острого характера перспективных глобальных социально-экологических противоречий. А значит, поиск ответа на второй вопрос (на основе анализа докладов Римскому клубу) становится неизбежным.

Философия динамизма цивилизации: от количественного роста к устойчивому развитию. Основа стратегического выживания современной цивилизации – радикальная трансформация исторической модели развития.

Локомотив эффективности традиционных рыночных отношений – феномен количественного роста во всех его проявлениях: от промышленного и сельскохозяйственного производства до сферы услуг. В условиях индустриального общества степень “количественности” уступает его качественным характеристикам. Однако при переходе к постиндустриализму – прежде всего в результате инновационных трендов – теоретически показатели “качественности” развития должны преобладать над показателями “количественности” роста.

Реальность природного ограничения цивилизационного динамизма обусловила появление современных форм стратегии нулевого роста. Если исторические теории (например, мальтузианство) делали акцент на нулевом развитии демографических процессов, то современные концепции распространяют эту форму развития на все, в сущности, сферы деятельности, когда экономический эффект обусловлен научным и социальным динамизмом – стратегией глобального равновесия, связанной с сокращением демографических показателей, совершенствованием технологических решений. Иначе говоря, эффективность деятельности определяется не столько экономическими критериями, сколько повышением качества жизни, причём эта тенденция получает глобально-региональное измерение.

В этом контексте сформулировано представление об органическом росте, ставшее одним из базовых для стратегических установок Римского клуба. В его рамках мировая система рассматривается как взаимосвязь (и взаимозависимость) различных регионов, находящихся на разных стадиях развития, имея в виду специфику социально-экономической дифференциации развитых и развивающихся стран [7].

Тем не менее их объединяет общая цель: позитивное развитие целостного организма – мировой цивилизации. Её выход на уровень органического роста предполагает взаимосвязь подсистем, когда богатые делятся своими ресурсами (инновациями) с бедными странами, что рассматривается Э. Пестелем как важнейшее условие эффективности глобального управления, как реальность вхождения в структуру “органического общества” [8].

Формы и масштабы современного динамизма цивилизации позволяют реализовать постулируемые ориентиры, имея в виду, в частности, фактор четыре – повышение эффективности деятельности в несколько раз во всех формах её проявления [9] и фактор пять [10], учитывающий рационализацию деятельности и дальнейшее повышение её эффективности в процессе использования инноваций и большей социальной ориентации государственной политики. Этот процесс рассматривается как этап ускоренного продвижения цивилизации по пути к её устойчивости.

С начала 70-х (пределы роста) до начала 90-х годов (первая глобальная революция) XX в. [11] продолжают затруднения, требующие радикальных изменений в системе сложившихся планетарных противоречий. Острота затруднений, связанных с необходимостью выхода цивилизации из кризиса (для выживания и позитивного исторического динамизма, на чём на протяжении последнего 20-летия неустанно настаивал в своих докладах Римский клуб), была воспринята на уровне мирового истеблишмента.

В рамках ООН принята концепция устойчивого развития цивилизации (Рио-92), являющаяся, в сущности, институциональной формой качественного роста (нулевой рост, органический рост и т.д.). В её основе – экономический рост, ограниченный, однако, экологическими и социокультурными установками, ориентированными на удовлетворение рациональных потребностей как настоящих, так и будущих поколений. Концепция устойчивого развития ООН, рассчитанная на историческую перспективу, традиционно постулирует улучшение качества жизни человека. Однако анализ, проведённый в рамках одного из последних опубликованных докладов [12], свидетельствует о полярности ситуации: с одной стороны, реализация концепции устойчивого развития предполагает более чёткую практическую направленность, ибо теоретические декларации не всегда соответствуют возможностям, особенно развивающихся стран, а с другой – в её рамках тем не менее выявляется позитивная перспектива цивилизации устойчивого будущего. Сегодня ей нет реальной альтернативы: мировой социум следует в этом направлении, в соответствии с решениями ООН, до 30-х годов XXI в.

Демографический реализм: от экспансии роста населения к качеству жизни. Демографические тенденции по-прежнему рассматриваются как определяющий фактор дисбаланса глобальной социоприродной системы.

Счётчик населения Земли работает неустанно. На нашей планете проживает, по данным ООН, лишь немногим меньше 8 млрд человек (ещё в начале XXI в. – около 6 млрд). На протяжении многих десятилетий годовой прирост мирового населения колебался в пределах 1–2%. Если этот показатель уменьшится до 0.5%, то примерно через столетие землян будет около 11 млрд человек.

Очевидно, что экспоненциальный демографический рост имеет отчётливую прогностическую тенденцию, которая радикально не изменилась и в ковидный период. Следовательно, на ближайшие десятилетия демографический стресс по-прежнему остаётся фактором, влияющим на мировую динамику. Эти данные соответствуют примерно базовому (из 12 представленных) сценарию “Пределов роста”. И если не предпринимать реальных мер, то цивилизация будет реализовывать, как следует из него, менее благоприятный сценарий.

Более 70% населения планеты проживает всего в двух десятках густонаселённых стран. В эту группу входят как условно развивающиеся (Индонезия, Пакистан, Бразилия и другие), так и развитые (США, Россия, Япония и другие) государства. Китай и Индия, несмотря на масштабные депопуляционные усилия, остаются единственными в мировом сообществе странами, где население превышает 1 млрд человек. Предполагается, что в ближайшее десятилетие индийские демографические показатели превзойдут китайские. Более того, по данным Вашингтонского университета, реализуется тенденция, в соответствии с которой Китай утратит свой миллиардный статус (страна пытается остановить этот тренд, отказавшись от мер сокращения рождаемости).

В одном из докладов [13], на основе концепций системного анализа и синергетики, разработана математическая модель для феноменологического описания демографических процессов как настоящего, так и будущего. Из неё следует, что демографический переход в развивающихся странах, то есть сокращение рождаемости и смертности, будет реализовываться после того, как численность населения мира приблизится к 14 млрд человек. При этом в рамках количественной нелинейной теории мирового населения, предложенной С.П. Капицей, отстаивается тезис, в соответствии с которым демографические трудности обусловлены не столько ресурсным дефицитом, сколько внутренним парттерном роста открытой системы.

Из демографических построений “Пределов роста” в рамках любых сценариев следует безусловное снижение качественных характеристик жизни в общемировом измерении. Впрочем, мировая статистика предоставляет более оптимистические сведения на этот счёт.

По данным отдела народонаселения Департамента ООН по экономическим и социальным вопросам, средняя ожидаемая продолжительность жизни в мире достигнет ко второй декаде XXI в. примерно 70 лет (в конце XX в. этот показатель составлял 65 лет). При этом очевидно, что региональные показатели весьма дифференцированы, они очень сильно различаются в развитых и развивающихся странах (африканец живёт в среднем на два десятка лет меньше американца).

Качественные показатели жизни, в соответствии с данными ООН, соотносятся с экономическими и демографическими характеристиками. Самый высокий уровень жизни в Норвегии, Швейцарии и Ирландии. И именно для этих стран, как, впрочем, и других развитых, характерна низкая рождаемость. К примеру, в Норвегии коэффициент рождаемости составляет 1.56, в то время как в Нигере, Судане, Чаде, уровень жизни в которых крайне низок, этот коэффициент достигает 6.91.

В сценариях, разработанных в “Пределах роста”, отчётливо выявляется эта взаимосвязь, соотносящаяся с реальными процессами. Экстраполяция современных тенденций неуклонно ведёт к экономической стагнации, социальной напряжённости, экологическим стрессам, а в конечном счёте – к социально-экологическому коллапсу. Смягчение и возможное преодоление кризисной ситуации связываются (наряду со снижением демографических показателей) с совершенствованием традиционных технологий.

Инновационность техносферы: от “коричнево-сти” деятельности к “голубой” цикличности. Индустриальное общество, которое начало складываться более 200 лет тому назад, перейдя от преимущественно ручного труда к масштабному фабричному производству, с одной стороны, стимулировало рост производительности во всех сферах деятельности, а с другой – расширение производственно-хозяйственного и социокультурного функционирования общества обернулось усилением воздействия на естественные экосистемы.

Более того, примерно до середины XX в. действующая технико-экономическая модель цивилизации не учитывала реальность экологических ограничений роста: деятельность носила доминирующий природопотребительский характер, влекла за собой существенное загрязнение природной среды, особенно в крупных городах. Один из самых показательных примеров – печально из-

вестный смог в английской столице (с ним связывается потеря немалого числа человеческих жизней), когда густой туман сочетался с выбросами технико-технологических систем (автомобили, теплоэлектростанции и каминное отопление). Впрочем, опасная острота экологической ситуации в Лондоне давно ушла в прошлое.

Однако природопотребительский тип развития современной цивилизации, доминирование “коричневой” экономики, связанной с “цветными” выбросами в природные экосистемы, с трудом сдают свои позиции. Тем не менее исторически сложившаяся западная модель экономического развития постепенно создавала материальные и социокультурные предпосылки для смягчения болевых точек. Этому способствовало и вхождение мирового сообщества в эпоху постиндустриализма, в рамках которого высокая степень инновационности позволяет выйти на уровень эффективных технических решений, сочетающих потребности традиционного экономизма с набирающей популярность экологизмом.

Структура производства, связанная с отходами, когда технологический процесс предусматривает выбросы в окружающую среду, постепенно заменяется на циклическую (замкнутую) модель. Речь идёт лишь о масштабах цикличности и возможностях её реализации. Именно в её рамках можно не только относительно сократить объёмы используемых ресурсов, но и уменьшить деградационные изменения естественных экосистем. Поэтому воплощение установок “циклической экономики” [14] рассматривается как одна из определяющих предпосылок равновесия между человеческой деятельностью и функционированием биосферы.

Информационная (а сегодня – цифровая) революция – ещё одна из возможностей дальнейшей рационализации взаимоотношений элементов системы человек–социум–биосфера. Цифровизация деятельности создаёт условия, при которых всё большая часть материальных форм функционирования цивилизации перемещается в виртуальную сферу – уменьшается масштабность материальной деятельности при повышении её эффективности и минимизации негативного воздействия на естественные экосистемы. Тем самым реализуются, кажется, представления Э. Шумахера [15] о “буддистской экономике”, стремящейся к балансу человеческих интересов и экофильных стереотипов, к деятельности (и жизни) по принципу “малое прекрасно”.

Современная цивилизация воспринимает идеологию “зелёной” экономики (в одном из докладов её называют “голубой”) [16]. Речь идёт о том, что вся структура её функционирования и бытия социума приобретает отчётливый социально-экологический контекст. К примеру, развитие

энергетического сектора предполагает не только рационализацию энергопотребления, но и реальный выход на альтернативные энергетические источники, постепенный отказ от использования углеводородных топливных ресурсов. Радикальное улучшение городской экологической ситуации связано с адекватным решением проблемы отходов, совершенствованием транспортной инфраструктуры, в частности, с масштабным переходом на электромобили. Человек, удовлетворяя свои рациональные потребности, вместе с тем пытается учитывать и современные природоохранные стереотипы.

“Голубая” (“зелёная”) экономика становится основанием реальной технологической модернизации, а традиционная линейность деятельности постепенно вытесняется её циклическостью. В рамках современной цивилизации отчётливо ощущается потребность в более активных и масштабных эколого-экономических решениях. Темпы их реализации никак не соответствуют остроте напряжённости в сформированной системе взаимоотношений человека с окружающей его природной средой.

На распутье: от экологической неустойчивости к равновесию биосферы. Создаётся впечатление, что реализуется негативный экологический тренд сценарных построений “Пределов роста”. В документах ООН, подводящих итог “экологического двадцатилетия” (от Стокгольма, 1972, к Рио-де-Жанейро, 1992), было сформулировано, по меньшей мере, три вывода.

Во-первых, несмотря на существенные усилия (выделение около 2% ВВП большинством развитых стран на природоохранные цели, переориентацию технологий), мировая социально-экологическая ситуация отнюдь не улучшилась. По-прежнему технико-антропогенный фактор – определяющее условие дальнейшей деградации всё больших структур биосферы.

Во-вторых, экстраполяция западной модели на глобальную социоприродную систему неадекватна для стратегического развития цивилизации в целом, учитывая, в частности, её высокие потребительские стандарты.

В-третьих, возникает необходимость выйти на уровень экологической стратегии, более соответствующей остроте и масштабности биосферной напряжённости. В качестве таковой была выдвинута концепция устойчивого развития цивилизации, исходящая из баланса не только экономических и экологических, но и социокультурных стереотипов. Конференция ООН по устойчивому развитию (Рио-де-Жанейро, 2012) подтвердила целесообразность более активной реализации этой концепции в мировом контексте, учитывая масштабы социально-экологического неблагополучия. Позднее под эгидой ООН был принят до-

кумент (“Преобразование нашего мира”, 2015), где природоохранная проблематика по-прежнему в числе глобальных целей, стоящих перед современной цивилизацией.

В течение последних десятилетий было собрано немало данных о специфике мировой социально-экологической ситуации, её региональных и локальных особенностях, основных направлениях её динамики. В сущности, большинство докладов Римскому клубу в той или иной степени касается природоохранной проблематики, которая рассматривается в качестве одной из ключевых в системе глобальных проблем современности.

Очевидно, что экологический шлейф так или иначе затрагивает практически все сферы человеческого существования, начиная от экологической безопасности, связанной с последствиями возможного применения оружия массового уничтожения (“ядерная зима”), продовольственным, энергетическим и ресурсным дефицитом, обусловленным деградацией естественных экосистем, и заканчивая положением человека — последствиями глобального демографического стресса, его перспективами в исторической динамике.

Уже ясно, что острота мировых социально-экологических противоречий отнюдь не уходит в прошлое. И если в Темзе, как говорят очевидцы, появилась рыба и неплохо себя чувствуют королевские лебеди, то мировая статистка не столь оптимистична: экосистемы биосферы неуклонно деградируют, расширяется ареал исчезающих видов флоры и фауны. Более того, обостряется противоречие между относительной неограниченностью материальных потребностей социума и сравнительной ограниченностью ёмкости биосферы. При этом рост исторической нагрузки на планетарную экосистему выходит на такой уровень, в рамках которого нарушаются естественные механизмы её самоорганизации, обуславливающие способность адаптации живых систем к внешним воздействиям.

Нарушение ёмкости биосферы — один из базовых факторов, провоцирующих тенденцию к сокращению естественной производительности аграрного сектора, деградации водных ресурсов и дефициту пресной воды, загрязнению атмосферы. Историческая ограниченность природно-ресурсного потенциала повышает степень конфликтности между странами и регионами за его доступность. Ухудшение качества естественной среды обитания человека в целом характерно как для развитых (Север), так и развивающихся (Юг) регионов. При этом, однако, население Юга в большей степени зависит от природной среды — южные экосистемы менее устойчивы, чем природные структуры Севера. При этом экосистемы большинства развитых стран находятся под за-

щитой высоких технологий, минимизирующих (по сравнению с архаичными техническими системами Юга) воздействие на элементы биосферы. Тем не менее её изменения приобретают планетарный характер, трансформируя климат. И это вызывает серьёзное беспокойство мирового сообщества. Реально обсуждаются два возможных варианта климатических изменений, а именно потепление и похолодание мирового климата.

Приверженцы климатического похолодания (их значительно меньше) исходят из того, что деятельность технико-антропогенного характера, связанная с парниковым эффектом, не рассматривается как определяющий фактор динамики глобального климата. В этом контексте анализируется процесс исторического циклического круговорота — естественной смены холодных и тёплых периодов развития Земли, феномен постепенного охлаждения Солнца и другие процессы.

Напротив, сторонники потепления климата (а их большинство) приводят доказательства того, что именно антропогенные факторы, обусловленные, в частности, увеличением эмиссии парниковых газов (углекислого газа, метана), ведут к росту температурного режима на нашей планете. Предполагается, что к концу XXI в. соответствующие показатели, по разным расчётам, могут повыситься на два градуса, что приведёт к существенным негативным последствиям — таянию ледников, повышению уровня Мирового океана, подтоплению европейских городов.

Впрочем, очевидно и то, что любое радикальное изменение исторически сложившихся параметров биосферы негативно скажется на развитии её биологических объектов, включая человека. Поэтому мировое сообщество столь серьёзно относится к реальности возможных климатических изменений (Саммит лидеров по вопросам климата, апрель 2021 г.), разрабатывая меры по их смягчению и стратегическому предотвращению.

В одном из докладов Римскому клубу представлен “Планетарный план действий в чрезвычайных ситуациях” [17], включающий систему возможных политических решений, направленных на урегулирование потенциальных радикальных климатических изменений и их последствий. По существу, предлагается проект действий по интеграции усилий государств мирового сообщества для реализации этих целевых установок. В нём предложен механизм решения трёх проблем общепланетарного масштаба: предотвращение климатических изменений, сокращение биоразнообразия и сохранение здоровья людей.

В XX в. цивилизация вступила в эпоху антропоцена, в которой деятельность человека определяет динамику социоприродных изменений. В XXI в. большинство этих изменений носит негативный характер. Их потенциальное преодоление

предполагает вхождение человечества в эпоху биогеоцена, где реализуется стремление к адекватному сосуществованию человека и биосоциальной среды его обитания.

Дилемма Север–Юг: от полярности к противоречивости единства. Значительная часть представленных докладов Римскому клубу, как бы обосновывая и развивая идеи “Пределов роста”, посвящена проблемам третьего мира. Процессы, происходящие в развивающихся регионах, оказывают существенное воздействие на мировую динамику, осложняя и дестабилизируя экономическую и политическую ситуацию, усугубляя экологическую деградацию. Неслучайно в одном из первых докладов, ещё середины 1970-х годов, была предложена стратегия “пересмотра международного порядка” [18], ориентированная, в частности, на трансформацию взаимоотношений стран Севера и Юга, смягчение и преодоление в перспективе полярности их развития.

На рубеже XX и XXI вв. отчётливее выявляется дифференциация и самих стран третьего мира. С одной стороны, возникли новые индустриальные страны (например, Гонконг и Сингапур); стремительно развиваются Китай и Индия, некоторые другие страны Азии и Латинской Америки, неуклонно преодолевающие “третьемирские” стереотипы. С другой стороны, среди стран Юга, особенно африканского региона, многим по-прежнему не удаётся снять остроту противоречий национально-регионального развития (в демографии, экономике и других областях).

Из материалов ООН следует, что хотя население, живущее в крайней нищете, в процентном отношении сокращается, тем не менее его глобальный уровень стремится к росту. Около 10% мирового населения, преимущественно в развивающихся регионах, живёт в условиях крайней нищеты, не имеет возможности удовлетворения своих основных потребностей. В Африке, в странах к югу от Сахары, человек со средним достатком живёт на сумму меньше 2 долл. в день (средний американец тратит около 160 долл.); голодает примерно 9% мирового населения, как правило, в развивающихся странах, в то время как средний человек Севера мечтает о том, “чтобы такое съесть, чтобы похудеть”. При этом наиболее острый продовольственный дефицит фиксируется на Африканском континенте, где число недоедающих растёт стремительнее, чем возможность решения проблемы продовольственной безопасности на национально-региональном уровне. Экстраполяция современных тенденций ведёт к тому, что число страдающих от нищеты, продовольственного дефицита, недоступности медицинской помощи не только не уменьшается, а, напротив, возрастает, особенно в связи с COVID-19.

Стратегия преодоления (по крайней мере, смягчения) социально-экономического противоречия между Севером и Югом в общем виде представляется как двусторонний процесс: с одной стороны, развитые страны в своих стратегических целевых установках должны в большей степени учитывать интересы третьего мира, а с другой стороны, страны третьего мира – более динамично сочетать национальные особенности с конструктивным опытом мирового развития. К примеру, в одном из докладов, подготовленных совместно с Африканской академией наук [19], предлагалось полнее учитывать природно-климатические условия и специфику социальной структуры традиционного африканского общества для выхода на уровень национального продовольственного обеспечения.

Необходимость реализации этой стратегии обостряется в XXI в., ибо снятие конфликта цивилизаций – одно из базовых условий их позитивного исторического развития. Закономерно, что, отвечая на эти вызовы современности, Римский клуб поддержал программу “Планетарного чрезвычайного партнёрства” [20]. В ней не только оценивается кризисное состояние мировой и региональных ситуаций в связи с глобальной пандемией COVID-19, но и её потенциал в качестве стратегического импульса регионального (африканского) динамизма.

Преодоление бифуркационных трендов современного развития цивилизации, в том числе по линии Север–Юг, в ещё раннем докладе Э. Ласло ассоциировалось с формированием условий для “революции мировой солидарности” [21]. При этом, с одной стороны, речь шла о радикальных экономических, социальных и политических трансформациях в направлении относительной цивилизационной целостности, с другой – о сохранении национальных культурных особенностей и традиционных духовных стереотипов. В начале третьей декады XXI в. ориентация на стратегическую цивилизационную интегральность и тактическую социокультурную дифференциацию становится особенно востребованной.

На пути к человеку будущего: от его “одномерности” к “качественности”. Именно от качеств человека и возможностей их развития зависит, считал основатель Римского клуба А. Печчеи [22], реализация позитивной стратегии цивилизации будущего. Ведь только люди и их социокультурная интеграция определяют динамизм и направление исторического процесса, ибо человек – реальный эпицентр мирового развития.

Условно выделяют три исторических типа человека: восточный, западный и евразийский. Если первые два типа полярны и существуют в действительной реальности, то последний – ре-

зультат прогнозирования и существует в большей степени лишь в виртуальной действительности.

Восточный человек (исторически сформировавшийся раньше), исходя из национальных религиозных традиций, стремится, как принято считать, к сочетанию единичного проявления бытия с миром в целом, то есть отдельное и общее рассматривается в их единстве. Для него характерна имманентная природоцентричность (экофильность), то есть человек в своём мышлении находится в гармонии с естественным окружением, а антропогенная деятельность не связана (по крайней мере, на ранних исторических этапах) с существенной трансформацией природных экосистем.

Западный человек, напротив, стремится, исходя из распространённого стереотипа, к противопоставлению себя и внешней среды: единичное рассматривается как внешнее по отношению к природе — целому. Для него характерен, исходя из христианских ценностей, имманентный человекоцентризм, который, опираясь на протестантскую этику, превознёс, с одной стороны, эффективность трудовой деятельности и высокий статус экономического и социального успеха, с другой стороны, формы и масштабы трудовой деятельности обусловили обострение и расширение процесса деградации мировых естественных экосистем. Тем самым западный человек, проявляя экофобность, как бы подтверждал свою «одномерность» (Г. Маркузе) — доминирующий интерес к росту банковского счёта и социальному успеху в ущерб другим, в том числе экологическим, ценностям.

Евразийский человек, который должен был возникнуть, в соответствии с теорией евразийства первой половины XX в., интегрировал, по представлениям её приверженцев, стереотипы западно- и восточности, балансируя на сочетании элементов экофобности и экофильности в прогностической деятельности. Его появления ждали в российском географическом пространстве, в рамках которого (на основе православного мировоззрения) должен был реализоваться механизм гармонии человека и внешней среды его окружения. В действительности всё сложилось иначе.

Историческая ретроспектива свидетельствует о том, что именно ментальность западного человека создала предпосылки для динамичного роста западноевропейской цивилизации, опередив (в экономических, научных и технических областях) цивилизации восточного типа. Именно западный антропоцентризм (в отличие от восточного природоцентризма) обусловил радикальную активизацию человеческой деятельности, высокую степень её инновационности.

Вместе с тем экофобность как составной элемент вестернизации, распространившаяся на волне глобализации в планетарном масштабе, привела к неуклонному обострению региональных и мировой социально-экологической ситуации, ставя под реальную угрозу биосферное благополучие и потенциальное выживание современной циклизации. В сущности, сбывались спекулятивные прогнозы начала XX в. о «закате» западноевропейской цивилизации (О. Шпенглер), подтверждённые и модельными сценариями в его второй половине.

В ответ на эти вызовы современности человек западной ментальности включил внутренние и внешние механизмы, обеспечивавшие снижение степени цивилизационной экофобности как на деятельностном уровне (повышение статуса природоохранных технических решений), так и на ментальном (использование элементов экофильности в традиционном мышлении). Иначе говоря, западный человек всё более ориентируется на ориенталистские (востокоцентристские) стереотипы, стремясь гармонизировать свои отношения с природным миром.

Ориентализация человека западного типа мышления усиливается, что обуславливается, с одной стороны, действенностью кризисных тенденций традиционных социокультурных ценностей (и в этом смысле и «закат», и «пределы» стереотипов развития — жёсткое, но реальное обозначение действительных тенденций). Однако, с другой стороны, западный человек, в соответствии с известной притчей о лягушке, попавшей в кувшин с молоком, сбивает своё «масло», корректируя минусы западноцентризма плюсами востокоцентризма (гармоничность, экофильность).

Вместе с тем отчётливо проявляется и альтернативная тенденция — вестернизация активно проникает в систему цивилизаций восточного типа, которые, адаптировав западные инновации, возвращают исторически утраченный статус в иерархии мировых процессов. Азиатские «новые тигры» реально претендуют на лидерские места в глобальной табели о рангах, а восточный человек воспринимает (сохраняя при этом национальную ментальность) элементы западноевропейских стереотипов (активность, рациональность).

На рубеже XX и XXI вв. под воздействием процессов глобализации расширяется (несмотря на экономические противоречия и политические сложности) диалог культур как универсальный принцип, обеспечивающий духовное обогащение взаимодействующих цивилизаций. Именно диалог создаёт условия для взаимосвязи европейских и неевропейских культур, выступая адекватной формой межчеловеческого общения. И на стыке мировых культур уже проявляются, как представляется, контуры «качественного» (или евразий-

ского) человека, гармонично воспринимающего как западные, так и восточные ценности, сохраняя при этом в той или иной мере традиционную ментальность.

К началу XXI в. выявляется историческая ограниченность представлений о доминировании западнотризма над восточнотризмом и наоборот — восточнотризма над западнотризмом. Очевидно, что вестернизация и ориентализация — две ипостаси единого всемирного социокультурного процесса, связывающего прошлое, настоящее и будущее мировой цивилизации.

Человечество, преодолевая имманентные противоречия, неуклонно стремится к цивилизационной целостности, которая оказывается желанной, но упорно ускользающей линией горизонта. Интегральная стратегия цивилизации представляется тем трендом, который обеспечит стратегический баланс вестернизации и ориентализации на пути к совершенному человеку будущего.

* * *

Древнеримская Троя пала, ибо её жители не поверили негодным им пророчествам Кассандры. Земляне не остались столь опасно равнодушными к “предельным” итогам первого доклада Римскому клубу.

Во-первых, обсуждения и дискуссии, проходившие по всему миру (и продолжающиеся до сих пор) об актуальной реальности алармизма и его выводов, свидетельствуют о том, что человечество в целом принимает сформулированный итог: если не изменить основные направления развития, то цивилизация в своих современных формах завершит своё существование в исторически обозначенной временной перспективе.

Во-вторых, мировое сообщество реально восприняло сформулированное в докладе предупреждение о грядущем коллапсе. Ответ на него — принятая стратегия устойчивого развития, исходящая из баланса экономических, экологических и социокультурных процессов цивилизации, реализуемая как на общемировом, так и регионально-национальном уровнях.

В-третьих, в науке возникло целое направление глобальных исследований (глобалистика), в рамках которого анализируется весь, в сущности, комплекс трудностей, стоящих перед человечеством, и пути их преодоления.

В-четвёртых, современная цивилизация получила ориентиры для совместного продвижения к будущему: обозначена реальность пределов традиционного развития и намечено общее направление позитивного движения к будущему, которое приобретает не только глобальное, но региональное и национальное измерение.

В докладе, приуроченном к полувековой деятельности Римского клуба, подтверждается: выводы “Пределов роста” остаются в силе. Перед цивилизацией по-прежнему выстраивается комплекс глобальных проблем (базовые из них отмечены в подзаголовке книги — капитализм, традиционная ментальность, демографический рост и деградация природы [23]), нуждающийся в дальнейшем анализе и принятии реальных мер. А значит, следующий полувековой юбилей члены клуба встретят за работой, результаты которой человечество ожидает с нетерпением.

Древнеримский философ Сенека (в письме к Луцилию) оставил нам предупреждение: Фортуна медленно растёт, но гибнет быстро. Эта максима важна и в экологическом контексте: не следует надолго откладывать решение вопросов, поставленных в “Пределах роста”, — иначе может быть слишком поздно, ибо деградация локальных подсистем биосферы уже получает импульс к необратимым изменениям.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Meadows D.H., Randers J., Meadows D.L., Behrens III W.W.* The Limits to Growth: A Report for the Club of Rome's Project on the Predicament of Mankind. Universe Books, 1972.
2. *Форрестер Дж.* Мировая динамика. М.: Наука, 1978.
3. *Медоуз Д.Х., Медоуз Д.Л., Рандерс Й.* За пределами роста: Предотвратить глобальную катастрофу. Обеспечить устойчивое будущее. М.: Прогресс; Пангея, 1994.
4. *Медоуз Д.Х., Рандерс Й., Медоуз Д.Л.* Пределы роста: 30 лет спустя. М.: Бином. Лаборатория знаний, 2013.
5. *Randers J.* 2052: A Global Forecast for the Next Forty Years. The Club of Rome, 2012.
6. *Медоуз Д.Х., Медоуз Д.Л., Рандерс Й., Беренс III В.В.* Пределы роста. М.: Изд-во МГУ, 1991.
7. *Mesarovic M., Pestel E.* Mankind at the Turning Point. The Club of Rome, 1974.
8. *Пестель Э.* За пределами роста: Глобальные проблемы современности и деятельность международной организации Римского клуба. М.: Прогресс, 1989.
9. *Вайцеккер фон Э.У., Ловинс Э.Б., Ловинс Л.Х.* Фактор четыре. Затрат — половина, отдача — двойная: Новый доклад Римскому клубу. М.: Academia, 2000.
10. *Вайцеккер фон Э.У., Харгроуз К., Смит М.* Фактор пять. Формула устойчивого роста: доклад Римскому клубу. М.: АСТ-Пресс, 2012.
11. *Кинг А., Шнайдер Б.* Первая глобальная революция. Доклад Римского клуба. М.: Прогресс, 1991.
12. *Kuenkel P.* Stewarding Sustainability Transformations: an Emerging Theory and Practice of SDG Implementation. The Club of Rome, 2019.

13. *Каница С.П.* Очерк теории роста человечества: демографическая революция и информационное общество. М.: Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН, 2008.
14. *The Circular Economy and Benefits for Society Jobs and Climate Clear Winners in an Economy Based on Renewable Energy and Resource Efficiency.* The Club of Rome, 2017.
15. *Шумахер Э.* Малое прекрасно. Экономика, в которой люди имеют значение. М.: Изд. дом ВШЭ, 2012.
16. *The Blue Economy.* The Club of Rome, 2010.
17. *Berg C.* Sustainable Action: Overcoming the Barriers. The Club of Rome, 2019.
18. *Reshaping the International / Co-ordinator J. Tinbergen.* The Club of Rome, 1976.
19. *Africa Beyond Famine.* The Club of Rome, 1989.
20. *Towards New Narratives of Hope for Fostering Transformative African Futures.* The Club of Rome, 2021.
21. *Goals for Mankind / General Editor E. Laszlo.* The Club of Rome, 1977.
22. *Печчеи А.* Человеческие качества. М.: Прогресс, 1985.
23. *Weizsaecker von E., Wijkman A.* Come On! Capitalism and Short-termism, Population and the Destruction of the Planet. A Report to the Club of Rome, 2018.